

ПОКЛОННИКИ КУЛЬТОВОГО ФИЛЬМА
«В ПОСТЕЛИ С ВРАГОМ», ЭТА КНИГА СОЗДАНА ДЛЯ ВАС!

АДИВА ГЕФФЕН

РАССТАВАТЬСЯ — КАК УМИРАТЬ:
НЕВЫНОСИМО БОЛЬНО

18+

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В НИГДЕ

Убийство в кармане

Адива Геффен

Добро пожаловать в нигде

«Азбука»

2023

УДК 821.411.16
ББК 84(5Изр)-44

Геффен А.

Добро пожаловать в нигде / А. Геффен — «Азбука»,
2023 — (Убийство в кармане)

ISBN 978-5-389-34161-6

Израиль, наши дни. Рут замужем за Шукой, красивым и успешным офтальмологом. И все бы хорошо, но муж ограничивает каждый ее шаг и жестко наказывает за неповиновение. Исстрадавшаяся Рут решается на побег. Она колесит по стране, запутывая следы, и путь ее лежит в самый непримечательный город – Йерухам. Параллельно разворачивается история Ури. Чувствуя себя виноватым в смерти сына и измене жены, он убегает от разрушенной жизни и случайно находит пристанище в Йерухаме. И там в конце концов пути героев пересекаются...

УДК 821.411.16
ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-389-34161-6

© Геффен А., 2023
© Азбука, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Адива Геффен

Добро пожаловать в нигде

*Алиса падала все ниже, ниже и ниже.
«Неужели этому не будет конца?» – подумала она.
Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес*

אדיבה גפן / Adiva Geffen

יש מקום / Somewhere

Copyright © Adiva Geffen, 2023

Russian translation rights arranged by eBookPro www.ebook-pro.com

All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству eBookPro www.ebook-pro.com за содействие в приобретении прав.

© С. Плотников, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава 1

Рут

В восемь двадцать шесть я родилась заново и ушла, не оставив следов.

Я должна была добиться успеха.

И теперь это непременно случится.

Подобно тому, как самолет перед взлетом прогревает двигатели, я потираю ладони, чтобы набраться смелости и поднять настроение.

Спокойно, Рут, повторяю я снова и снова. Спокойно, не торопись.

С самого утра у меня было навеянное легким ветерком предчувствие, что все произойдет сегодня ночью. Что именно сегодня ночью откроется окно возможностей.

Но прежде чем уйти, я должна исполнить определенный ритуал: прислушаться, внимательно прислушаться еще раз, улыбнуться, обнять, слегка пофлиртовать, а самое главное – сохранять спокойствие. Терпеливо отвечать на вопросы. Улыбаться не слишком много, но и не слишком мало. И не спешить – спешка привлекает внимание.

В восемь четырнадцать я закрыла за собой калитку, ведущую во двор. Медленно.

Жду.

Подхожу к машине.

Снова жду.

Спокойно, Рут.

Спокойно. В любую секунду он может передумать и посмотреть в окно. Не торопись. Только сердце, черт его дери, колотится как сумасшедшее. Бум, бум, бум, трах! Господи! Так я всю округу разбужу.

Отключаю сигнализацию.

Жду.

Сажусь в машину.

Спокойно.

Гляжу в зеркальце заднего вида. Завожу. Снова жду. На всякий случай.

Проходит минута. Вторая. Считаю до ста, потом до двухсот. Только не торопись, Рут. Спокойно.

Вокруг полная тишина. Словно я уже от всего отключилась.

Включаю реверс. Машина медленно отползает назад.

Первая скорость. Жду.

В переулке темно, а главное – там нет его.

А это что за тень? Качающийся на ветру кипарис или это он ждет в укрытии, словно тигр, готовый внезапно броситься на свою жертву? Дыши глубоко, дыши спокойно. Вдох – выдох, вдох – выдох.

Оглядываюсь по сторонам. Тишина. Медленно трогаюсь с места. Все тело напряжено, как пружина взведенного пистолета. Вторая скорость, третья, четвертая. Все, я на дороге.

Получилось!

Боже, сколько месяцев я ждала этого момента! Именно этого. Мечтала, как подойду к его машине, заберусь внутрь, заведу двигатель и исчезну, оставив всё позади. Все эти месяцы я готовилась к нему.

* * *

Четверть часа назад события стали развиваться по намеченному мной сценарию.

– Рутуш! – услышала я донесшийся с первого этажа голос. – Ты слышишь, Рутуш?

Ни гнева, ни беспокойства. Просто «Рутуш».

Наконец-то. Жду сигнала.

– Ты там, Рутуш? – Спокойствие, говорю я себе. Не торопись. Действуй по плану. – Где ты, Руту-Туту? – У него и впрямь хорошее настроение или это очередная ловушка?

– Наверху, – не успеваю я ответить, как он уже стоит рядом, внимательно разглядывая книгу, которую я читаю. Делаю вид, что читаю. А мысли мои далеко-далеко. Перебирают пункты плана.

Исход духа.

Взяв у меня из рук книгу, он как бы ненароком встряхивает ее. Знаю я эти штучки. Проверяет, не положила ли я туда что-нибудь.

– Интересная? – спрашивает он, возвращая мне книгу.

– Очень.

– Интереснее меня?

– Интереснее тебя, Шукун, ничего на свете нет, – успокаиваю я его. – Что-то случилось?

– Случилось. Сигареты. – В его голосе проскальзывает крошечная нотка гнева.

– Ой! – делаю я испуганное лицо. – Только не говори, что они закончились.

– Скажу, что ты забыла их купить. Вот они и закончились.

– Ой-ой!

– Что «ой-ой»?

– Ой прости, Шукун! Иногда у меня в голове такая путаница, – притворяюсь я маленькой девочкой.

Прости меня. Виновата. Согрешила. Я такая тупая. Сделаю все, что ты захочешь... Сегодня мне придется быть тихой и милой овечкой.

– И где же ты забыла свою голову на этот раз?

– Не помню. Вот такая я, – верчу пальцем у виска.

Он улыбается. Улыбается или это приступ гнева?

Улыбается. Определенно улыбается. Чувствую, на этот раз все должно получиться. Спокойно, Рут. Только как же унять это чертово сердцебиение?

Господи, сделай так, чтобы все это не оказалось сном, в котором я поехала за сигаретами, а в киоске вместо продавца оказался он и притащил меня обратно в дом, стоящий на краю утеса, а потом запер в комнате и принялся сталкивать дом с утеса в море.

– И что же собирается делать моя маленькая недотепа?

Класс! Это именно то, что мне нужно.

– Побежать и принести моему Шукунчику сигареты, – отвечаю я, нарочито медленно поднимаясь с дивана.

– Откуда?

– Из киоска на углу Трумпельдора. Он работает допоздна.

– А ты откуда знаешь? Ошиваешься там, пока я на работе?

Опа! Попала на минное поле.

Во сне я послала его ко всем чертям. Ну так ведь то во сне, а что мне делать сейчас, когда все висит на волоске? Пальцы на ногах словно ледышки. Со мной всегда так, когда я нервничаю.

– Откуда я знаю, дорогой мой Шукун? – сладким, как патока, голосом отвечаю я. – А ты забыл, сколько раз я ходила туда за пивом и сигаретами для тебя и твоих дружков?

– Правда, – добродушно хлопает он меня ладонью по заднице. – Ялла!¹ Лети-ти-ти. Надо же, какой он сегодня довольный!

– Лечу-чу-чу, – делаю шаг вперед и останавливаюсь. – Больше ничего не надо? Главное – не выглядеть слишком обрадованной.

– Ты права. погоди, – он выходит в коридор, и я слышу, как он переговаривается со Стэном. – Ты хочешь, чтобы она их принесла? Рут пойдет... Это может подождать... Принеси Стэну две пачки «Мальборо», – дает он указание, вернувшись в комнату.

– Красные?

– Нет, зеленые и фиолетовые. Разумеется, красные, – улыбается он.

Когда он улыбается, он такой обаятельный, что мне хочется прижаться к нему, послать к черту все планы и начать все сначала. Стоп! Именно из этой западни я и пытаюсь выбраться.

– А как же Эран?

– Эран! – кричит он на этот раз прямо из комнаты. – Тебе ничего не нужно? Рут принесет. Снизу доносится что-то нечленораздельное.

– И сигареты тоже не нужны?! – кричит он снова.

Эран отвечает отрицательно, и Шукун снова переводит взгляд на меня.

– Ничего ему не надо, – улыбаясь, выносит вердикт он. – Да, прихвати еще три банки пива. Три, не шесть, и чего-нибудь перекусить. Записала?

– Все тут, – осторожно прикасаюсь к его голове, но он отдергивает мою руку.

Ошибка? Я его рассердила?

– Да что с тобой?

Он отходит в сторону. Что это? Это хорошо или плохо? Признак того, что он сейчас передумает и запретит мне выходить? Что все закончится отчаянием, как это было две недели назад, месяц, пять месяцев?

Неужели так будет продолжаться вечно?!

– Вспомнишь еще что-нибудь, позвони, – медленно бреду в сторону двери. – Я взяла мобильник.

– Деньги нужны?

– У меня есть.

Он продолжает внимательно смотреть мне вслед. Улыбаюсь. Он улыбается в ответ. Спокойно, Рут. Не торопись.

Выхожу в коридор. Он продолжает с любопытством наблюдать за мной.

Надеваю пальто. Один рукав, другой. Улыбаюсь. Поправляю воротник, застегиваю пуговицы. Терпение. Не торопись, чтобы он не догадался, что я вот-вот лопну от избытка чувств. Каждое мое движение повышает его подозрительность. В конце концов, он всего лишь маленький напуганный человечек. Это со слабаками вроде меня он герой. Потому что я всегда сдаюсь, всегда иду на уступки.

А сейчас мне нужно получить ключи от машины.

Шука нюхает мне шею и взъерошивает волосы. Ага! Значит, все в порядке. Перекидываю через плечо сумку, обматываю шею шерстяным фиолетовым шарфом и останавливаюсь.

Но я знаю, что это еще не все. Внимательно оглядев меня с головы до ног, словно ища какой-то изъян, он расстегивает пуговицы и раздвигает полы пальто. Что его не устраивает на сей раз?

– Какая же ты худая! А почему в джинсах?

– А почему бы и нет?

– Слишком обтягивающие. Вон как попа торчит.

¹ Вперед, пошли (арабск.) – часто используемое в современном иврите слово, заимствованное из арабского языка.

– Вовсе нет. Наоборот, свободные, – оттягиваю ткань на животе. Он просовывает внутрь свою руку и, тяжело дыша, начинает прикасаться к разным местам. Слышу слабый стон и закрываю глаза. Все твое. Можешь делать все, что тебе угодно, только не поднимайся вверх по спине. Там, между лопаток, я приклеила липкой лентой конверт со своим маленьким сокровищем.

– Тебе нравится?

Отвечаю ему легким стоном. Дай же мне уйти! Делаю шаг вперед, намекая на то, что внизу его поджидают дружки. Вынув руку из джинсов, он отступает назад. Снова застегиваю пальто.

– А пальто-то зачем?

– Холодно.

– Пальто, да еще шарф. В дальнюю дорогу, что ли, собралась?

Господи!

– До самого Млечного Пути. Как ты догадался?

– А меня, значит, не позвала, женушка дорогая? – спрашивает он, не спуская с меня глаз.

– На улице холодно, а мне вовсе не хочется подхватить какой-нибудь вирус, – глажу его по щеке. – Ведь если я заболела, ты тоже заразишься и будешь вынужден закрыть клинику.

Вроде сработало.

– А вернешься когда?

– Примерно... недели через две.

Внимательно посмотрев на меня, он снова улыбается.

– Думаю, это займет минут пятьдесят.

– Каких пятьдесят? Ты что, сама будешь делать сигареты? Максимум десять.

– Даже больше. Я еще думала заскочить в пекарню. Там в это время как раз достают из печи свежие булочки, которые ты так любишь.

Он улыбается. Видишь, какая я? Все для тебя, мой дорогой. Только мне нужен твой «мерседес». Без него все накроется медным тазом.

– Прекрасно! Купи восемь. Нет, десять. Полчаса тебе хватит?

– Посчитай сам. Я иду до площади, пересекаю сквер, который...

– Но почему пешком?

– Так ведь моя развалюха уже месяц как в гараже. Забыл, Шукун?

Нет, ничего он не забыл.

– Может... – нерешительно произносит он, глядя на меня. Ну же! Рожай скорее!

После прошлого раза он придумал, как оставить меня без машины. Может, даже продал ее уже. Уговаривал меня отказаться от работы. То есть сидеть дома, в этой роскошной тюрьме. Как бы он был рад, если бы меня уволили из-за бесконечных прогулов. Но, догадавшись о моей ситуации, они этого не сделали. Пока.

– Верно, забыл. Знаешь что? Возьми мою. Только не хвастайся там перед всеми.

– Твою? «Мерседес»? – делаю вид, что раздумываю.

– Бери, бери, пока я не передумал.

– А если кто-нибудь, не дай бог, поцарапает ее? – спрашиваю я, с трудом сдерживая рвущуюся наружу радость.

– Что поделаешь, иди уже.

– Уверен?

– Ялла! Бери и иди! Не забудь – три пачки «Бродвей 100», а Стэну...

– Я помню, – медленно снимаю с крючка ключи. Не торопись, Рут. Не дай ему почувствовать, какой ураган бушует у тебя в груди. Так, машина моя. Еще одна маленькая месь.

– Все в порядке? – спрашивает он, пристально глядя на меня, словно просвечивая рентгеном.

– Все прекрасно.
– Ты куда-то торопишься? Кто-то ждет тебя снаружи?
– Целых четверо. Вильям, Гарри, принц Чарльз и сама королева.
– Смешно. Только вот королева уже умерла. – Улыбнулся! Еще раз. – Будешь хорошей девочкой?

– Я? С чего это вдруг?
– Отлично, пышечка моя. Только берегись акул, – бросает он, обернувшись, направляясь к своим друзьям.

Что, все? В самом деле все?

Продолжаю ждать.

– Ну же, мужик, где ты там? – слышу я голос Стэна.

– В чем дело, парни? Терпение. Ну-ка, подвинься, – ворчит в ответ Шука.

Сейчас!

На полке над стиральной машиной, в маленькой комнатке, что возле кухни, Шука прячет «беретту». Оружие Судного дня, зовет он ее. Жена, знающая, что у мужа есть пистолет, десять раз подумает, прежде чем натворить глупости, любит повторять он. Кладу «беретту» в сумку. Пусть лучше будет у меня.

И вот я во дворе.

Тяжелые серые тучи заслонили полную луну, и в переулке, где стоит наш дом, темно, словно он укрыт толстым одеялом. Это мне подходит.

Спокойно, Рут. Спокойно. Помни про камеры, которые он понатыкал вокруг дома.

Уловив мое движение, датчик включает висящий над входом фонарь. Отягощенный гроздьями цветов гибискус клонится на ветру, а рядом лениво качает острой верхушкой кипарис. Поймав протянутые мне ветром зеленые пальцы, срываю одну веточку, и ноздри мои наполняет горький запах. Провожу рукой по почтовому ящику. «Прощай, дорогой, – шепчу я, – больше мы не увидимся».

Никогда.

Мишка, бродячая кошка, которую я считаю своей, кидается ко мне из кустов и начинает тереться об ноги, словно просит взять ее с собой. Ее глаза горят в темноте, как у колдуньи. Поначалу мне и впрямь хочется забрать ее, но я тут же прогоняю эту глупую мысль прочь. Прости, подружка, но это невозможно. Уверена, ты справишься и без меня, Мишка. Ведь научилась же ты убегать из дома, чувствуя его приближение. А сейчас пришел мой черед.

Чешу ее за ухом, и она, помурлыкав от удовольствия и словно все поняв, исчезает.

Медленно, словно на душе у меня полное спокойствие, приближаюсь к калитке. Останавливаюсь. Поправляю пальто, затем шарф. Я знаю, что он прячется за шторой там, наверху. Следит за каждым моим движением, каждым вздохом. Он просто не может иначе.

* * *

– Повезло тебе, – говорит мой отец. – Парень влюбился в тебя по уши.
– Ты знаешь, как все за ним гонялись? А выиграла ты, – с гордостью заявляет мать Шуки, госпожа Лили.

– Вот бы мне такого мужа, – с чувством произносит уборщица Захава.

– Это такая любовь. Он все время хочет быть со мной, дышать со мной одним воздухом, – объясняю я своей сестре Зои.

– Очень мило, – отвечает она, – но я бы так не смогла. Это больше похоже на ревность, чем на любовь. И ведь не зря говорится, что ревность черна, как могила.

– А может, ты сама ревнуешь? – возражает вторая жена отца Двора. – Найди себе кого-то, кто бы с ним сравнился.

Зои бормочет что-то нечленораздельное, госпожа Лили продолжает гордиться своим сыном, а отец видит лишь то, что хочет видеть. Все как всегда.

* * *

Спокойно, Рут. Еще немного. Береженого бог бережет.

Задерживаюсь у калитки, ощущая лопатками приклеенный к спине конверт – мой спасательный круг.

Считаю. Тридцать секунд, сорок, пятьдесят. Спокойно, Рут. А если он передумает, потребует, чтобы я вернулась, или, наоборот, попросит принести гамбургеры? Все, что ты захочешь, Шука. Шука, муженек мой. Хозяин мой. Владелец моей души, как ты выражаешься. А что же я? Я всего лишь женщина, раба мужа своего. Образы, порождающие реальность.

Слышу доносящийся из дома смех Стэна и успокаиваюсь.

Подхожу к стоянке. Сегодня «мерседесу» предстоит сыграть необычную роль. Синий кузов блестит в свете фонаря. Шука установил на «мерседес» ультрасовременные фары – второго такого нет. Борясь с дрожью в руках, нажимаю на кнопку выключения сигнализации. Двери разблокированы, и я усаживаюсь на белое кожаное сиденье. «Будь осторожна, – слышу я его голос. – Не дай бог что-нибудь поцарапать или испачкать». Господи, что это я? Езжай уже!

Опускаю боковое стекло, чтобы ему было лучше видно. Подозрительные люди нуждаются в том, чтобы им предоставили все необходимые доказательства, но даже этого иногда оказывается недостаточно.

Поправляю зеркальце, приподнимаю сиденье и снова жду.

А что, если это всего лишь сон и я сейчас проснусь?

Нет уж, не в этот раз. Теперь все наяву.

Последние месяцы я строила планы и собирала силы и средства. Столько часов потратила на проработку сценария, шаг за шагом, минута за минутой! Временами мне мерещился другой сон – подхожу я к машине, а на заднем сиденье сидит он. Бросает меня на дорогу и переезжает колесами раз пять-шесть. Пусть все видят, что бывает с неверными женами.

Слышу какой-то шорох. Это ты, Шука? Постукиваешь по двери и улыбаешься своей дьявольской улыбкой? Проверяешь, что я тут делаю? «Давай поедem вместе, – скажет он, обнимая меня, – не успела ты уйти, а я уже соскучился».

Еще раз смотрю в зеркальце.

Ни души, лишь соседские лимонные деревья.

Трогаюсь с места.

Не спеши, Рут. Движения должны быть плавными, как при замедленной съемке. Еще секунда, и я уже на дороге, огибающей наш квартал. Отсюда всего пять минут до Гедеры.

Слишком рано успокаиваться. А что, если он стоит на выезде? Нет, никого.

Спокойно, Рут. Выезжаю на шоссе и еду в сторону киоска Ами Кахлона, который мне сейчас вовсе не нужен.

Вдруг раздается телефонный звонок.

– Да.

– Ты уже выехала?

– Откуда?

– Да кончай уже со своими шуточками! Выехала?

– Только что. Вспомнил что-то еще?

– Прихвати еще две банки колы. Что ты сейчас делаешь?

– Толкаю ядро в Латвии. – Рассмешить – значит успокоить.

– Забавно. Будь осторожна.

– С ядром?

- Со всякими типами. Их кругом полным-полно.
- Хорошо, что у меня есть ты, защитник мой.
- Жду тебя, пышечка моя.

Пышечка. Пышулечка. Пышчоночка. Кто тут Шукина пышечка? Я! Он может откусить, прожевать и проглотить. Кусочек за кусочком. Пока от меня ничего не останется.

Когда-то я называла это любовью.

Ури

Я люблю эти моменты.

Безмолвие перед началом вселенского переполоха. Тишину в коридорах.

Мгновения благодати.

Я стараюсь приходить в школу на полчаса раньше остальных. Обхожу классы, подбирая с пола кожуру от мандаринов и закатившиеся в углы бумажные шарики, поправляю стулья, убеждаюсь, что все пюпитры стоят прямо и ни один из них не поломан. Закончив обход, я набираю в учительской бутылку воды, поправляю форму, провожу рукой по волосам, направляюсь на свое место у входа и жду.

Первыми приходят учителя. Все, за исключением преподавателя фортепиано Оли, которая всегда является минут на пять-шесть позже остальных. Я ее понимаю – не так-то просто оставить дома годовалых близнецов. Пробегая вверх по лестнице, она обязательно останавливается возле меня, чтобы перевести дух, и улыбается.

По правде говоря, все учителя, кроме «кислятины»-гитариста – как про себя называю его я, – улыбаются и приветствуют меня, хотя поначалу лишь с любопытством оглядывались, перешептываясь между собой: как такое пугало могло здесь оказаться? Наверное, в их глазах я выгляжу не охранником, а, скорее, генералом.

Но мало-помалу все ко мне привыкли и даже дали кличку Чок-новичок.

Без десяти два. В это время начинают появляться ученики.

– Желаю хорошего дня, Амир, – приветствую я первого из них, несущего тромбон в длинном футляре, но он, сделав вид, что не заметил меня, пытается пройти мимо.

– А как насчет «здрасьте»? – настаиваю я, и он, остановившись, улыбается.

– Привет, Чок! Большое-пребольшое здрастьте, – отвечает он, похлопывая меня по спине.

Вслед за ним приходит пианистка Дуки, скрипачи Йохи, Натан и Аарон и вся прочая честная компания. Один сует мне мандарин, другой – домашнее печенье, третий просто дружески хлопает меня по плечу. Но вот все разбредаются по классам, и вновь наступает тишина.

Как же мне повезло!

Глава 2

Рут

Киоск Ами Кахлона находится на самой окраине Гедеры.

«...АДОСТИ И ...СЕЛЬЯ», – гласил потерявший за годы часть букв билборд, зазывая публику на давно прошедшее празднование. Под ним виднелись два плаката поменьше: «Кока-кола – вкус жизни» и криво прилепленный кусок картона, обещающий бесплатное мороженое всем, кто купит блюдо фалафеля.

В это время суток местность вокруг практически пустынна, если не считать немногочисленных завсегдатаев киоска Ами, сидящих вокруг мраморной стойки на облезлых деревянных стульях.

Медленно миновав киоск, я останавливаюсь возле почтового ящика и просовываю в щель заготовленное заранее письмо с заявлением об уходе, где в качестве причин указаны проблемы со здоровьем, считая, что Ноа, которая уже давно что-то подозревала, обо всем догадается.

Подождав несколько минут, оглядываюсь вокруг, зная, что Шука способен добежать сюда переулками, лишь бы узнать, тут ли я и не встречаюсь ли с кем.

Это мы уже проходили.

– Соскучился по тебе, пышечка моя, – пробурчит он, оглядывая всех присутствующих, чтобы определить, нет ли среди них того, с кем я попытаюсь убежать или к кому я проявляю чрезмерное внимание. – Помнишь, что я всегда говорю?

– Что все женщины – шлюхи, – процитирую я одно из его излюбленных выражений.

Слышится радостный возглас, потом вздох разочарования, кто-то в порыве гнева швырнул на землю лотерейный билет, один из стульев сломался, и сидящий на нем мужчина упал, вызвав смех расположившейся рядом парочки, пятеро подростков роются в мусорной корзине в поисках окурков.

Обычные звуки обычного вечера.

Его здесь нет.

Покидаю район, останавливаюсь на светофоре. Красный. Желтый. Зеленый... Спокойно. Внутри у меня все кипит, сердце колотится как сумасшедшее.

Проезжаю указатель на Гедеру, поворачиваю направо, еще раз направо и выезжаю на шоссе номер семь, ведущее к Ашдоду. Попетляв по второстепенным дорогам, снова выезжаю на автостраду.

Рядом с указателем «89 километров до Беэр Шевы» вижу плакат: «Не спеши. Спешка ведет к катастрофе». Верно подмечено!

А вот и указатель на Штулим. Именно туда я и направляюсь.

Сколько раз я продумывала этот маршрут! Выучила наизусть карту. Ожидая прихода Шуки, проверяла, помню ли все знаки, все повороты.

Зная Шуку как облупленного, я понимала, что в свои планы нельзя посвящать никого. Ведь он пустит в ход все свои чары, будет плакать, бить себя в грудь, рассказывать, как сильно скучает, переживает, тревожится, а главное – любит, любит, любит. И все тут же выложат ему и что, и где, и когда. «Для твоей же пользы», – как сказала мне однажды королева подозрительности Зои, попав под чары его фальшивого обаяния.

Свернув с шоссе на проселочную дорогу, я останавливаю машину и записываю на найденном в бардачке клочке бумаги три необходимых мне номера телефона. Разве кто-нибудь сегодня помнит их наизусть? Вынув симку из телефона, кладу его под колесо и несколько раз

проезжаю по нему туда-сюда, а потом, тщательно собрав все обломки, складываю их в полиэтиленовый пакет.

Проехав Штулим, останавливаюсь у въезда в мошав Азрикам. Завернув симку в фольгу, закапываю ее в одном из цветочных горшков, а потом, пройдя меж полей, разбрасываю во все стороны обломки мобильного. Пускай теперь поищут!

Вокруг ни души. Лишь разбегаются испуганные ящерицы, каркают несколько разбуженных мною ворон да лают собаки, громко выражая свое негодование по поводу неурочного беспокойства.

Купив «мерседес», Шука тут же показал мне кучу установленных в нем датчиков.

– Видала? Теперь я всегда буду знать, где ты. Так что не вздумай убежать, – криво усмехнулся он.

Не колеблясь ни минуты, я отключила их, пользуясь найденным в ютубе видео для угольщиков автомобилей, а заодно сняла маячок, транслирующий местоположение «мерседеса», и отправила под колеса и его. Подъехав к круглосуточному магазинчику электроники, покупаю самый дешевый мобильник и симку, какими обычно пользуются гастарбайтеры и беженцы. Я ведь теперь тоже стала одной из них.

Еще одно дело. Открыв обнаруженный в почтовом ящике рекламный буклет, начинаю обзванивать перечисленные в нем отели.

– Добрый вечер. Стойка регистрации «Пнинат Адар». Чем могу вам помочь? – отвечает приятный женский голос.

Объясняю, что мне нужно, и слышу постукивание ногтей по клавишам.

– Вам повезло. На чье имя забронировать номер?

– Гиля Эльройи Зельцер, – отвечаю я. – Да, на пару ночей. Прекрасно.

Это дело сделано. Двигаемся дальше.

С тех пор как я ушла, не прошло и часа, и Шука, разумеется, еще ни о чем не подозревает. Думает, что я стою в очереди в булочной.

Выезжаю на четвертое шоссе и направляюсь на север. Главное – не сворачивать на шестерку. Там все записывается и за каждой машиной, за каждым пешеходом следит «Большой брат», чьи глаза ничего не упускают.

Господи! Я сделала это! Странное спокойствие охватывает меня. Пока все идет по плану. Я свободна!

Я освободилась из плена, и у меня выросли крылья, на которых я лечу на север. Подальше от него.

Кровь струится по жилам так, словно прорвало плотину, лицо пылает, меня накрывает громадная волна энергии. Жму на педаль газа, и машина несется все быстрее и быстрее. Сто километров в час, сто двадцать, сто тридцать...

Нет, надо ехать помедленней. Нельзя получить штраф. Штраф – это веревка, на которой меня повесят.

Осталось тридцать семь километров.

Тридцать.

Прошло сорок две минуты.

Наверное, он уже начал беспокоиться. Смотрит в окно, спускается на стоянку, сердито ворчит на приятелей, которые немедленно принимаются успокаивать «ослепленного любовью парня», который минуты не может прожить без своей крали. Куда она денется, скажут они ему. Еще не было случая, чтобы она не вернулась.

Сорок шесть минут.

Ох, как я его знаю! Чувствуя покалывание в кончиках пальцев, он бормочет что-то Стэну, надевает висящий у входа синий плащ, в правом кармане которого лежит кастет, выходит из дома и пристально вглядывается туда, где стоял «мерседес».

Пятьдесят две минуты.

Не находя себе места, возвращается в дом. Наверное, с ней что-то случилось, бурчит он.

Бежит к киоску, а может, и едет, взяв машину Стэна. Спрашивает и переспрашивает: «Вы не видели женщину в желтом пальто с длинными каштановыми волосами, собранными в конский хвост на затылке, высокую, красивую?»

Но никто ничего не знает. «Да куда она денется?» – ответят ему, а шутники еще и добавят: «Лучше найди себе новую».

Волнуется ли он? Ну, если только поначалу, но тут же начинает сердиться. Достает из кошелька мою фотографию, показывает ее людям у стойки. Обвиняет владельца киоска в том, что тот прячет меня. Ищет вокруг – может, я пью пиво с одним из завсегдатаев в садике, что позади киоска.

Шестьдесят шесть минут.

Звонит мне. Еще раз, и еще. Проклинаю все на свете, бросает телефон на землю, но тут же поднимает его и проверяет, не разбился ли, не дай бог, – как-никак пять тысяч шекелей. Посылая к чертям меня и весь мир, звонит снова.

Семьдесят девять минут, а я все еще здесь!

Вижу заправочную станцию. Слава богу! Мне срочно надо в туалет. Закрыто. Но выхода у меня нет. Обхожу строение и под прикрытием темноты опорожняю мочевой пузырь.

Какое странное чувство. Я могу делать все что захочу, ни у кого не спрашивая разрешения.

Пора звонить. Эйтан поднимает трубку.

– Можно Йоава?

– Что у вас? – отвечает он, как мы и договаривались. Ведь Шука может добраться и до его жены, которая запомнит, как кто-то звонил.

– Передайте ему, что мы послали ему фильм.

– Фильм?

– «Рожденная свободной».

– Думаю, вы ошиблись номером. Какой Йоав вам нужен?

– Йоав Шалмон...

– Такого здесь нет.

Все идет по плану. Эйтан знает, что надо делать. В его обязанности входит позвонить Зои и успокоить ее, а она, в свою очередь, должна успокоить отца. Главное, чтобы они не побежали в полицию и не начали давать объявления в газеты. Чтобы оставили меня в покое.

Еще один звонок. На этот раз тете.

– Оставьте ваше сообщение, желательно приятное, – раздается в трубке.

– Привет, это я. Рада сообщить, что меня приняли и я уезжаю в Бостон. Прошу прощения за спешку и, как только устроюсь, обещаю все рассказать подробно. А пока знай, что ты лучшая тетя на свете и я сильно-сильно люблю тебя.

Прервав разговор, тут же звоню снова.

– Ты должна знать, что все это случилось благодаря тебе. Без тебя я бы не... Вся эта поездка... Спасибо, тетушка.

Тетя Кармит – младшая сестра отца, о существовании которой в его рафинированной семье предпочитали умалчивать. Я узнала о ней лишь после смерти матери. Отец не захотел объяснять, в чем там было дело, и лишь когда по прошествии нескольких лет мы с ней встретились, я узнала, что произошло. Может, мне стоило взять ее с собой?

Нет уж. Я ведь уже сказала, что все буду делать сама.

Зои я звонить не стала. Когда Шука доберется до нее, а доберется он непременно, она сумеет убедить его в том, что ничего не знает, ибо так оно и будет. Я же, когда окажусь в

безопасности, опубликую в газете заранее оговоренное с Зои объявление – так она поймет, что со мной все в порядке.

* * *

И снова я в машине. Продолжаю свой путь на север.

Йо-хо-хо! Путь свободен, и я, расслабившись на мягком сиденье, несусь вперед, как во сне. Легкокрылый воробушек. Младенец, чувствующий запах молока матери. До Хайфы осталось всего двадцать пять километров, а с того момента, как я покинула дом, прошло уже сто двенадцать минут.

Что предпримет Шука? Обратится в полицию? Без пяти минут профессор Шука станет выслушивать шуточки полицейских о том, что его жена сбежала на его же собственном «мерседесе», потому что нашла кого-то, у кого подлиннее? Нет, это не для него. Слишком унижительно.

Скорее всего, он позвонит Зои. Она сделает вид, что беспокоится. Он начнет угрожать, но она будет умницей и не скажет ему, что мне давно пора было уйти и что она надеется – на этот раз у меня получится.

Не сердись, сестричка. Ты должна понять. Я ничего тебе не сказала, чтобы ты не попалась в волшебные сети моего муженька, не поверила его крокодиловым слезам. Лучше тебе ничего не знать.

Как и все подозрительные люди, Шука прекрасно чувствует ложь. А уж ложь он не прощает никому.

Ури

Меня зовут Чок, я работаю охранником в городской музыкальной школе Йерухама. Но настоящее мое имя Ури, и в этом городе я поселился всего шесть месяцев назад по воле случая. Или, напротив, меня привела сюда направляющая рука судьбы.

А может быть, сам Йерухам сделал за меня этот выбор? По крайней мере, так считает мой лучший друг Моти Бен-Июн. Моти – первый человек, с которым я познакомился в этом городе, и он сразу мне понравился.

По правде говоря, с тех пор, как я здесь оказался, мне нравятся все. Даже Шимон из бакалейной лавки, который обвешивает покупателей. Даже пес соседки снизу, который лает не переставая все время, пока ее нет дома. Даже живущий в доме напротив Морди, который блокирует мою машину на стоянке. В прошлой жизни я бы точно подал на него жалобу.

Смотрю на часы. Ученица Веред из класса виолончели до сих пор не пришла. Может, стоит позвонить и спросить, не случился ли с ней, не дай бог, очередной приступ астмы? Нет, вон она – раскраснелась от быстрой ходьбы. Вздыхаю с облегчением. Что-то случилось? Нет, просто автобус опоздал.

Глава 3

Рут

Вдалеке показался вытянувшийся на склоне горы Кармель силуэт Хайфы.

Хайфа. Город, в котором я родилась. Мой город.

Не слушая указаний GPS, ведущего меня в центр города, поднимаюсь на гору, затем спускаюсь в направлении Кирыт-Хаим, провожу минут десять в каком-то магазине и лишь потом направляюсь напрямиком в Адар Кармель.

Возможно, я перестраховываюсь, но не зря же говорят: кто обжегся на молоке, тот на воду дует. Делаю еще один кружок и лишь тогда подъезжаю к отелю.

«Пнинат Адар» находится прямо напротив муниципалитета и, как написано в уже упомянутом буклете, «представляет собой одно из самых красивых зданий, построенных из иерусалимского камня в период британского мандата, а из его окон можно любоваться морем». Это ультрасовременный, небольшой и прекрасно обставленный бутик-отель, но без роскошного лобби, ресторана или тренажерного зала.

Как будто мне это важно.

Проехав через автоматически открывшиеся ворота, спускаюсь на два этажа под землю, паркую машину за колонной и оставляю ключи на выхлопной трубе. Пусть ждут меня тут.

Поднимаюсь на лифте, но входные двери почему-то не спешат раздвигаться. Закрыто. И нигде никого не видно.

Что теперь?

Стучу, кричу, прошу. Ни души.

И тут меня охватывает страх. А что, если он обо всем узнал и дал указание не впускать меня?

– Перестаньте шуметь! – кричит какой-то мужчина со второго этажа. – А то я...

– Простите... Пожалуйста...

– В чем дело? – продолжает кричать он.

– Простите за беспокойство. Вы не знаете, как мне войти?

– Вы забронировали номер? – спрашивает он, постепенно успокаиваясь.

– Разумеется. Только как же?..

– Вам должны были послать код. Проверьте свой мобильник.

– А если у меня его нет?

– Тогда понятия не имею.

– Придется вам поверить, что я приличная девочка и не собираюсь разносить этот отель в клочья.

Засмеявшись, мужчина называет мне код, и тут я вспоминаю, что действительно получила сообщение из отеля, но из предосторожности стерла его.

Ночной дежурный крепко спал, положив голову на белую деревянную стойку.

– Здравствуйте, – бужу я его. – Я заказывала номер на имя Гили Эльрой Зельцер.

– Минуточку. Мне надо проверить, – вскочив со своего места, он начинает щелкать клавишами компьютера. – Да, есть такая. Удостоверение личности, пожалуйста.

Роюсь в сумочке и поднимаю руки вверх.

– Я оставила его в машине.

– Так пойдите и принесите. Комната никуда не убежит.

– Ничего не получится, – делаю я печальное лицо. – Меня привез сюда муж и тут же уехал. Его мать...

Окинув меня долгим взглядом с головы до ног, словно внутри у него был встроен прибор, способный отличить честного человека от мошенника, дежурный возвращается за стойку и начинает записывать данные, которые я после многократных повторов выдаю ему с такой уверенностью, словно от рождения была Гилей, сестрой Эйтана.

– Имя?

– Гиля Эльрой Зельцер. – Называю номер ее удостоверения личности.

– Телефон?

– Домашний или мобильный?

– Не важно. Адрес?

– Мошав Кисуфим.

– Это где?

– Недалеко от Беэр Шевы. Немного западнее. Вы не знаете, где это?

– Там, наверное, жарко.

– Ужасно. Особенно летом.

– Сколько дней пробудете у нас?

– Три. Вы можете дать мне два ключа? – Я ведь буду здесь не одна, а с мужем. Одинокaя женщина в гостинице в такое время суток вызывает слишком много подозрений.

Беру со стойки два ключа и карточку для выезда со стоянки и поднимаюсь к себе в номер.

Итак, этап номер два – заселение в гостиницу – прошел успешно.

Погладив лежащую в сумке «беретту», заваливаюсь в кровать, не снимая одежды. Тепло пухового одеяла окутывает меня.

Мне хорошо и спокойно.

Ури

– Ты работаешь охранником в музыкальной школе? – удивленно спросила Яира, когда позвонила, чтобы узнать, получил ли я посланные ею документы.

– Да. Не волнуйся.

– Хорошо. – Я услышал вздох облегчения. Она все время боится, что я снова сотворю что-нибудь неожиданное.

Когда-то, в другой жизни, я надеялся, что мы все переживем вместе. Вдвоем. Что сумеем пройти по запутанному жизненному пути. Не сумели.

Она нашла для себя другой ведущий к спасению путь. Я же отыскал тропинку и скрылся.

– Куда ты снова исчез? – спросила Яира.

Куда? Если бы я знал...

– Снова исчез?

– Ты ведь всегда был таким, разве нет?

Из зеркала на меня смотрел новый Ури. Чок-новичок зовут меня теперь.

По-моему неплохо. Глаза блестят, на лице улыбка, да и цвет лица вполне нормальный, нет этой прежней болезненной серости. Я даже в весе прибавил несколько килограммов.

Видимо, надо не слишком напрягаться, позволить жизни идти своим чередом, и все будет хорошо.

* * *

Когда я покончил со своей прежней жизнью, мне хотелось лишь одного – уехать куда-нибудь подальше, насколько это возможно в нашей крошечной стране. Как можно дальше.

Например, в Эйлат. Я думал, что знание английского позволит мне устроиться в один из десятков отелей, которые тянутся вдоль берега моря, но был готов мести улицы, мыть посуду на кухне, и вообще делать все, что угодно, лишь бы оказаться там, где меня никто не знает. Где никто не станет спрашивать «скажите, вы, случайно, не...», или, что еще хуже, «вы ведь Ури Хореш, верно? Я читал о вас в газете... С вами что-то случилось? Сказали, что вы немного того, да?», или «Это и впрямь ты? Как дела? Помощь не нужна?». А потом, сидя вечером в тени авокадо или потягивая пиво в новом джакузи, будут рассказывать друг другу: «Спускаюсь я вчера на лифте и, кого бы вы думали, вижу? Ури! Клянусь! Помните его? Да-да, того самого...» А закончив перебивать мне косточки, примутся рассуждать о том, что судьба – это качели: сегодня ты наверху, а завтра уже внизу, что жизнь трудна и в ней невозможно ничего просчитать заранее.

Глава 4

Рут

В половине девятого я сходила в большой универмаг на соседней улице и купила все, что требовалось для третьего этапа, – маскировки.

Смешала краску с перекисью, нанесла ее на свои рыжие, каких уж и не сыщешь нигде, волосы, подождала пятьдесят минут согласно инструкции, вымыла голову, высушила ее найденным в ванной маленьким феном и превратилась, как и было обещано, в платиновую блондинку.

Из зеркала на меня смотрела совсем другая Рут. Новая. Но ведь я должна была это сделать, чтобы окончательно превратиться в Гилю Эльрой Зельцер, секретаршу отдела социального обеспечения Ашдода, чей отец погиб в результате производственной аварии, мать жила в доме престарелых, а муж находился где-то за границей, и неизвестно было, собирается ли он когда-либо вернуться.

И все же, несмотря на блондинистость, это все еще была я, Рут.

Достав из сумочки купленные в том же универмаге ножницы, я принялась укорачивать волосы.

«Не вздумай пойти в парикмахерскую. Не дай бог укоротить их хоть на миллиметр. Я люблю тебя такой, какая ты есть», – повторял Шука, обожавший мои длинные волосы и запрещающий мне прикасаться к ним. Он любил, когда лишь они прикрывали мою обнаженную грудь, покрывали наши тела во время секса, разметывались по простыне и подушкам и ласкали его чресла.

И вот теперь я с удовольствием подстригла их, как и собиралась сделать все эти долгие годы. Первым делом убрала хвост, а потом пошла по кругу. Прядь за прядью. Безжалостные ножницы сделали свою работу. Вот теперь я действительно другая. Гиля. Платиновая блондинка с короткой стрижкой.

Решила и сделала. Сама. Что хочу, то и ворочу.

Шука хотел все решать сам, принимать участие во всех моих делах, а я верила в то, что именно так и выглядит любовь. Мой мужчина от меня без ума. Ждет меня на улице после курсов, переворачивает мою сумочку после учительского собрания, обнимает меня после встречи с Зои, сопровождает повсюду – в поликлинику, где я сдаю анализы, в автомастерскую, чтобы починить проколотую шину, в банк... Он абсолютно уверен в том, что каждый прохожий хочет дотронуться до моей груди, каждый водопроводчик мечтает трахнуть меня на кухонном столе, что все его дружки только того и ждут, чтобы он отвернулся.

Почему ты улыбаешься почтальону? Ну и что из того, что он приносит тебе почту прямо в дом? А это что? Я видел, как ты передала ему записку. Что в ней? Номер твоего телефона? А откуда у тебя этот новый диск? Купила? С каких это пор тебе нравится Шакира? А садовнику что от тебя было надо? Ах, вы обсуждали, как подстричь фикус. Или что-то другое?

Все. Я больше не Рут, я – Гиля, и решения теперь принимаю я.

Сменила джинсы на цветастую юбку, оранжевую футболку и мокасины, а в довершение образа водрузила на нос очки в синей роговой оправе. Поглядев в зеркало, осталась довольна.

Секретарша Гиля сделала свои первые шаги.

«Здравствуй, – прошептала я отражению в зеркале, – как дела?» – и получила в ответ грустную улыбку. Не унывай, дорогая Гиля, выше голову! У тебя такие красивые глаза, такая милая улыбка...

В десять часов я спустилась в фойе.

За стойкой администратора стояла полная молодая женщина в слишком тесном зеленом костюме. Осведомившись, где в округе можно позавтракать, я попросила ее прибраться в номере.

– Как долго вы пробудете у нас, Гиля? – спросила она, сверившись с компьютером.

Ага, Гиля, значит. Шаг вперед.

– До завтра, – ответила я и добавила: – А еще на одну ночь нельзя?

– В четверг вам придется уехать, – повернула она ко мне лицо, на котором застыла улыбка снежной королевы. – Мы проводим конференцию, и все номера будут заняты.

Я пообещала освободить номер вовремя.

– К вашим услугам. Если что, звоните.

Позавтракав в ближайшем кафе, я решила попытать счастья и встретиться в качестве Гиля с Элинкой, чтобы проверить, узнает ли она меня. В те далекие годы, когда мы еще жили в Хайфе, Элинка была нашей соседкой, а так как своих детей у нее не было, вся ее материнская любовь доставалась мне. Помню, как часами сидела у нее на кухне, угощаясь борщом, капустником, печеной картошкой и холодным компотом из груш и яблок.

Итак, экзамен номер один. Узнает меня Элинка или поверит рассказу Гиля?

Поднявшись вверх по улице Бальфур, считающейся самой крутой в мире, я пересекла Иерусалимский проспект и оказалась в Пинат Нордау.

Дому, в котором жила Элинка, уже, наверное, лет семьдесят, и он явно нуждается в срочном ремонте.

А вот и первый сюрприз. Позвонив в дверь, я не услышала за ней привычного лая собаки.

Что случилось?

– Минуточку, – донесся до меня голос Элинки, а за ним шарканье с трудом передвигаемых ног.

Дверь открылась. На пороге стояла старушка, показавшаяся мне сильно уменьшенной копией Элинки. Господи, что делает с людьми время, с грустью подумала я. На какое-то мгновение мне даже захотелось отказаться от своей затеи, броситься к ней в объятия и объяснить свой нелепый пуримский вид², но как же тогда быть с проверкой?

– В чем дело? – спросила она, впери в меня подозрительный взгляд.

– Здравствуйте. Я Гиля, Гиля Зельцер, – приветствовала я ее самой радостной улыбкой, какую смогла изобразить. Никакого впечатления. – Вы Рахель?

– Какая Рахель?

– Рахель Уолгрин.

– Нет, никакая я не Рахель.

– Так, может, вы ее знаете?

– Не знаю я никакой Рахели Уолгрин. – Она что, действительно не узнает меня?

– Тогда, может, вы знаете ее мужа Йоэля? – тяну я время, чтобы дать ей возможность присмотреться получше.

– Йоэля?

– Он маляр, а она преподает игру на фортепиано. Разве они не здесь живут?

– Мне очень жаль, но вы ошибаетесь, девочка моя, – отвечает Элинка с искренним сожалением в голосе. – А по какому адресу вы пришли?

– Улица Певзнера, дом номер один.

– А-а-а, теперь все ясно. Это улица Нордау, – лицо ее сияет. – Вы должны вернуться на улицу Бальфура и пройти еще один квартал вверх. Это недалеко.

– Может, вы слышали о ней что-нибудь? Мне сказали, она прекрасный педагог, – снова спрашиваю я, но Элинка лишь отрицательно мотает головой.

² Пурим – один из основных еврейских праздников, отмечаемый в феврале-марте и сопровождаемый маскарадами.

– Нет, – грустно улыбается она. – Не слышала. Жаль, что ничем не сумела вам помочь. Еще один взгляд, еще одна улыбка, и она закрывает дверь. Удача! Только что родившаяся Гиля может продолжать свое существование.

Ури

Погруженный в мрачные мысли, я свернул не на том перекрестке и оказался у заправочной станции, расположенной на въезде в Йерухам.

«В буфете у Максима все самое свежее», – гласила вывеска над стойкой. Прекрасно. Кофе – это именно то, что мне сейчас нужно.

Неплохо было бы здесь прибраться и покрасить, подумалось мне, но запахи, струящиеся из кухни, приятно щекотали ноздри. Стоящий впереди меня гигант в вязаной шапочке цвета хаки заказал восемь порций кофе. Расплатившись, он заметил, что получил по ошибке девять чашек, обернулся и поставил одну передо мной.

– Это тебе.

– Сколько я вам должен? – спросил я, доставая кошелек.

– Да ладно тебе, – похлопал он меня по плечу. – Угощаю.

– Мне как-то неловко, – промямлил я, протягивая ему банкноту в двадцать шекелей.

– Что тебе неловко? – засмеялся парень. – Это Йерухам. Здесь всем все ловко. Между прочим, меня зовут Моти.

– Авраам. Ави, – тут же выпалил я.

Уже неделю я пытаюсь запомнить свое новое имя. Я больше не Ури. Меня зовут Авраам. Ави.

И сказал Господь Аврааму: «Ступай!»³

– Моего племянника тоже зовут Ави, – улыбнулся парень. – Хочу дать тебе бесценный совет. Закажи сэндвич с яичницей. Ты такого больше нигде не найдешь. Да скажи, чтобы приготовили так же, как для Моти.

– Большое спасибо.

Я пожал его огромную лапу, и он, подхватив поднос, направился к столу, где его поджидали товарищи.

Получив свой сэндвич «как у Моти» и прихватив чашку с кофе, я уселся на единственное свободное место неподалеку от них.

Компания оказалась веселой и шумной. Время от времени оттуда доносились взрывы смеха или возгласы восхищения. Кто-то хлопал товарища по плечу или гладил его по голове. Кто-то вставал, подходил к стойке, делал дополнительный заказ и приносил добычу на стол. Было видно, что все парни давным-давно знают друг друга и собираются здесь довольно часто, причем без женщин. Мечта всякого мужчины, живущего в браке, каким бы счастливым он ни был.

И тут же в горле у меня запершило, я почувствовал зависть и боль, которая так никуда и не исчезла, пустоту, которая так и не заполнилась. Тоску по своему месту. По дому.

Ведь моим домом была Яира. Она и Лиор составляли весь мой мир.

³ Бытие 12: 1.

Глава 5

Рут

«Мерседес» я так и оставила за колонной. Ночью Эйтан перегонит его на стоянку возле больницы, где рано или поздно его обнаружит Шука.

А недалеко от лифта, как мы и договаривались, меня поджидал красный «ниссан», на сиденье которого лежал новый мобильник. Эйтан всегда отличался почти сверхъестественной эффективностью и дисциплинированностью.

Хотя поначалу, когда я посвятила его в свой план, он отказался мне помогать.

– Ты хочешь сделать ему сюрприз? – удивленно поднял брови он.

– Да. Шуке скоро стукнет сорок.

– А зачем тебе эта десятилетняя рухлядь? Ведь Шука ничего, кроме новых «мерседесов», не признает.

– Сюрприз есть сюрприз. Я хочу сделать ему...

– Что-то случилось, Рут? – Эйтана так легко не обманешь.

– Ну хорошо, машина – это часть моего плана. Я поздравлю его и...

– Что за глупости? В чем дело?

– А еще я приготовила ему другие сюрпризы...

– Выкладывай всю правду, Рут-Тути, – с подозрением посмотрел на меня Эйтан. – Что случилось?

Это прозвище он придумал мне еще в те годы, когда мы сидели бок о бок на горшках в семейном садике, прозванном «оленьим» в честь несчастного животного, которое неизвестно как туда попало на радость нам, детям. Олень годами наблюдал за нами из своей клетки, а мы кормили его душистой соломой.

Эйтан был моим братом-близнецом. Так, по крайней мере, мы любили говорить.

Он родился на два часа раньше меня в каменном доме недалеко от кинотеатра. Это было еще до того, как мой отец, назначенный окружным судьей, перевез всю семью в Гиватаим и поселился неподалеку от своих родителей. Но до того, как перебраться поближе к ветеринарной поликлинике дедушки Аарона, я успела не только посидеть с Эйтаном в «оленьем саду», но и проучиться с ним несколько лет в одном классе.

В течение всей жизни Эйтан оставался моим лучшим другом, человеком, на которого всегда можно положиться.

– Случилось то, что я хочу отпраздновать это событие...

– Ну хватит уже, Рут-Рут, – удвоение моего имени всегда служило признаком того, что он сердится.

– Эйтан, защитник ты мой, – вздохнула я, положив руку ему на плечо. – Пожалуйста, сделай так, как я прошу. Еще мне нужен новый мобильник, зарегистрированный на имя кого угодно, хоть соседской собаки.

– Только с одним условием.

– Согласна на любые условия, – поспешно ответила я. – Могу я на тебя положиться?

– Договорились.

Я заранее знала, что он хотел попросить. Нам вовсе не требуется много слов. Так уж сложилось за все эти годы.

– Только не сейчас. Дай мне еще немного времени.

– Все так сложно? – прошептал он голосом, который чуть не прорвал плотину с трудом сдерживаемых мной слез.

– Перестань, Эйтан, – успела остановить я его.

– Все будет хорошо, – снова прошептал он. – Что захочешь и когда захочешь. Я с тобой. Твой навеки Эйтан. Помнишь?

Эйтан и Рути навеки вместе.

Мы обговорили места и даты, и он обещал исполнить все в точности.

– Удачи тебе, моя сумасшедшая подружка, – пожелал он, когда позвонил доложить, что сделал все, как я просила.

– Спасибо.

– Если что-то еще нужно, скажи... – тут же добавил он.

– Спасибо, Эйтан.

– Помни, Рути-Тути, что я люблю тебя. Если только захочешь, я...

– Не надо...

Я давно поняла: Эйтан знает о том, что именно я пытаюсь от него скрыть...

* * *

Он приезжал к нам со своей женой Кармит лишь раз. Кажется, это случилось через год после их свадьбы. Ему хотелось познакомить нас с ней. Может, он надеялся, что мы станем дружить.

Я прекрасно помню этот визит.

Шука опоздал, сославшись на то, что у него была срочная операция. У него все операции срочные. Впрочем, иногда он все же ссылается на осложнения после операции или общую загруженность. У врача всегда найдется причина опоздать или срочно уйти.

Эйтан с женой сидели на диване в нашей огромной гостиной, прижавшись друг к другу, словно боялись упасть. Кармит поджимала ноги, будто опасалась коснуться черного мраморного пола – гордости Шуки. «В итальянском стиле», – пояснила я, покраснев.

Кармит была в своем роде красивой. Миниатюрная женщина с сияющими глазами и испещренной веснушками молочно-белой кожей.

Они не попробовали испеченный мной пирог и даже не притронулись к стоящему на журнальном столике блюду с фундуком, сославшись на то, что не голодны. Эйтан добавил, что они едут на вечеринку к друзьям и просто заскочили поздороваться.

Они явно чувствовали себя не в своей тарелке в помещении с устилающим черный пол шерстяным китайским ковром, индонезийскими подстилками для йоги и японскими ширмами. Не переставая восхищаться, Кармит сказала, что ей тоже хочется иметь такой круглый деревянный столик, и попросила адрес столяра. Не имея о нем ни малейшего понятия – ведь все вокруг было делом рук Шуки, – я обещала выслать его позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.